

СИЛКИНА Н. А.

РОМАН К. АБРАМОВА «ПУРГАЗ»: ФАКТЫ, ЛИЧНОСТИ, ОБРАЗЫ

Аннотация. В статье анализируются документальные источники и фольклорный материал, художественно осмысленные К. Абрамовым в романе «Пургаз» в соответствии с авторской эстетической концепцией личности и истории.

Ключевые слова: роман-сказание, образ, личность, документальный факт, фольклорный источник.

SILKINA N. A.

K. ABRAMOV'S NOVEL "PURGAZ": FACTS, PERSONALITIES, IMAGES

Abstract. The article presents an analysis of the documentary sources and folklore material artistically interpreted by K. Abramov in the novel "Purgaz" in accord with the author's aesthetic conception of personality and history.

Keywords: novel tale, image, personality, documentary fact, folklore source.

Проблемы развития и функционирования мордовского исторического романа находят глубокое научное осмысление в работах А. И. Брыжинского [3], Е. А. Жиндеевой [5], Е. А. Шароновой (Федосеевой) [9], С. В. Шеяновой [10; 11] и др. С. В. Шеянова приходит к справедливому заключению о том, что «к 90-м годам XX века мордовский исторический роман проделал большой путь от художественной иллюстрации к поэтическому анализу, от изображения событий – к их философскому осмыслению» [11, с. 285]. Данная тенденция в полной мере реализовалась в романе К. Г. Абрамова «Пургаз» (1988), по жанрово-стилевым характеристикам определяемого литературоведами как роман-сказание, в художественной ткани которого гармонично перемежаются документальные факты, фольклорные источники и художественный вымысел [3; 5; 9; 10].

В романе «Пургаз» автор художественно реанимирует историческую атмосферу и события конца XII – начала XIII века, изображает и осмысливает роль в историческом процессе реального исторического лица – эрзянского князя Пургаза. Историческое повествование требует достоверного воссоздания прошлого. К. Абрамов прекрасно владел принципами и приемами художника-историка, поэтому вооружается знаниями из научных источников. Следует говорить о том, что прозаик первым в мордовском художественном слове обращается к изображению столь отдаленной эпохи, зафиксированной в ограниченном количестве источников. Тем ценнее и художественно значимее его произведение.

Национальные историки утверждают, что сведения о мордве содержатся уже в первых памятниках русской письменности. Наиболее ранним из крупных памятников является Киевская летопись, важнейшую часть которой составляет «Повесть временных лет» –

летописный свод, составленный в 1113 году монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, а в 1116 году проредактированный игуменом княжеского Выдубицкого монастыря Сильвестром. Составитель «Повести временных лет» указал точное место расселения мордвы – «по Оце реце» (по Оке реке). Из «Повести временных лет» получаем сведения о взаимоотношениях мордвы с русскими князьями. Походы последних на мордовские земли не всегда приносили им победу. В датированной 1103 годом части «Повести» сообщается о победе мордвы над князем Ярославом: «...того же лета бися Ярослав с Мордовою месяца марта в 4 день и побежден бысть Ярослав» [7, с. 280].

Краткое, но ценное упоминание о мордве содержится в памятнике древнерусской литературы «Слове о погибели Русской земли». Из этого источника узнаем, что «...от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы – то все с помощью божьею покорено было христианским народом, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, деду его Владимиру Мономаху. ...Буртасы, черемисы, вьда и мордва бортничали на князя великого Владимира» [8, с. 131].

Важным информатором по истории не только русского народа, но и мордвы является Патриаршая, или Никоновская, летопись – свод, составленный неизвестным лицом во второй половине XVI века и заключающий в себе непрерывное описание событий до 1559 года. Данная летопись, по мысли историка Н. Ф. Мокшина, дает ценный материал для реконструкции истории мордвы XII–XVI вв. «В ней, – отмечает ученый, – нашли отражение события, связанные с мордовско-русскими и мордовско-булгарскими взаимоотношениями, монголо-татарским вторжением на Мордовскую землю, участие мордвы в покорении Казани. Существенны летописные сведения о Пургасе – одном из наиболее видных правителей мордвы, именем которого («Пургасова волость») летописец назвал формирующуюся мордовскую государственность. Летописец свидетельствовал не только о «Мордве с Пургасом», «Мордве Пургасовой», но и о «Руси Пургасовой» – русском населении, подвластном Пургасу» [6, с. 48].

Таким образом, К. Абрамов не имел возможности изучить объемный историко-хроникальный материал, содержащий сведения о жизни, быте, культуре эрзян и мокшан на рубеже XII–XIII вв. Сведения о них в источниках достаточно скудны, отражают в основном сферу общественно-политической деятельности, содержат упоминания лишь отдельных личностей. Это обстоятельство подвергло автора искать иные источники, которыми стали разнообразные произведения устно-поэтического творчества – предание об Абрамовом городке, предание о Скворце и Дятле, имеющее поэтический вариант – песню «На горах то было, на горах Дятловых».

Эстетика исторического жанра предъявляет требование для органичного включения фольклорного материала в ткань литературного произведения – необходимость его внутреннего соответствия художественно-авторской концепции. К. Абрамов глубоко продумывает приемы реализации устного образца в рамках авторского слова. Он не вводит предания, сказания и песни в неизменном виде, а осваивает содержащуюся в них информацию, благодаря чему роман «Пургаз» является цельным, гармоничным, соответствующим жанровым критериям произведением, синтезирующем фольклорное начало, документальный материал и собственно-художественный вымысел. Писатель, на наш взгляд, достиг цели исторического повествования, сформулированную Н. А. Добролюбовым: «...оживить мертвую букву летописного сказания, вдохнуть живую душу в мертвый скелет подобранных фактов, осветить лучом поэтического разума исторически темную эпоху, представить частную внутреннюю жизнь общества, о котором история рассказывает нам только внешние события и отношения» [4, с. 530].

К. Абрамов достоверно, в соответствии с эстетикой реализма, реконструирует взаимоотношения эрзянских племен с русскими князьями, булгарами, половцами, факты формирования феодальной государственности у эрзян и мокшан на рубеже XII–XIII вв. В русло повествования введены масштабные этногеографические описания, дающие сведения о расселении древней мордвы, взаимоотношениях с другими народами, углубляющие реалистичность стиля романа. «От Волги и до половецких кочевий на юге, от Оки и до Булгарской земли за Сурой раскинулась Мордовская земля. Половцы не пашут и не сеют. К зиме они уходят со своими многочисленными стадами далеко на юг, чтобы к весне вновь возвратиться на старые пастбища и прижаться к Мордовской земле. За Окой далеко на запад, север и юг простирается Русская земля. Русские, болгарские и половецкие земли стянули Мордовскую землю будто железным обручем...». Половцы всегда появляются неожиданно, будто градовое облако. Но град бьет только посевы. После набега половцев не остается ничего – они жгут дома, убивают и уводят людей, травят поля.

А к западу от мокшан – Рязанский князь. Его дружины тоже любят наведываться к ним. Но если половцы, опустошив мокшанские земли, снова уходят в свои степи, княжеские люди сами никогда не уходят. Захватив земли, леса и реки, они считают их своими. Грызут враги Мордовскую землю со всех сторон, будто моль точит бычью шкуру» [2, с. 22]. Изображение военных и культурных отношений эрзян с другими народами придает повествованию многогранность, разветвляет сюжетную линию.

Роман К. Абрамова следует расценивать как художественный экскурс в давно минувшую эпоху, дающий возможность современному читателю задуматься об этнических корнях, осмыслить истоки своего народа, провести связь времен. Ценность романа

многократно увеличивается за счет следующего обстоятельства: писатель реанимирует реальную историческую личность – князя Пургаза – первого исторически известного эрзянского инязора, прогрессивного главу сильного и независимого рода, создателя дисциплинированного, хорошо обученного и вооруженного, боеспособного войска, талантливого полководца и государственного деятеля. Данный образ объединяет все сюжетные линии романа в единый узел, посредством его разрешается проблема личности и ее места в историческом процессе, вопросы взаимоотношений людей в сложной системе разнообразных связей (общественных, политических, семейно-бытовых, морально-этических), реализуется образ средневекового человека, реставрируется национальный характер.

Справедливо говорить о том, что К. Абрамов рисует динамичный характер, статичные отношения, в авторской концепции, не способны передать эволюционный процесс. Его герой живет и развивается вместе с самой жизнью. Развитие и становление героя как незаурядной личности передает его динамичный портрет: «Почти все мужчины обрановского рода голубоглазые и светлые. Пургаз вышел в бабушку, унаследовал ее половецкую кровь, потому, видно, Вежава и любит его больше всех своих детей и внуков. Ростом он не велик, волосы кудрявые, темные, глаза черные, и даже лицо смуглое» [2, с. 123], – так описывает К. Абрамов своего девятнадцатилетнего героя.

К пятидесяти годам инязор раздобрел, расширился в плечах, шел, тяжело волоча ноги, в нем трудно было узнать стройного и быстрого Пургаза. В заботах о своей земле, о людях, об Обранов городке он рано поседел и постарел. Лицо его стало «землистое, изборожденное морщинами» [2, с. 311]. «Совсем побелел Пургаз – и бороду и голову его будто осыпало пушистым снегом. Гладкое и полное когда-то лицо словно съежилось и покрылось частой сетью морщин. Да и то сказать – семьдесят три года отметил этой осенью» [2, с. 416]. Перед читателем происходит метаморфоза: мальчик, юноша, мужчина-воин, старик, обремененный годами и властью. Портрет в данном случае выполняет функцию не только презентации внешнего облика персонажа, но и экспликации процесса становления и развития характера в целом.

В самом начале романа Пургаз – семилетний ребенок, который воспитывается в нравственно-этических традициях своей большой семьи, которую неоднократно постигали беды и трагедии (гибель членов семьи в столкновениях с русскими князьями, половцами). На первых страницах романа представлена символическая сцена: дед Обран отдает первый кусок жертвенного мяса Пургазу, самому младшему внуку от третьей жены Вежавы, хотя этнические правила требовали отдать его старшему сыну. С этой символической сцены читатель проникается мыслью об особой роли Пургаза в истории рода.

Юношеские годы своего героя К. Абрамов посвящает образованию и разнообразным наукам. Целеустремленный, талантливый Пургаз учится в болгарском Великом городе. Он демонстрирует незаурядные способности: владение иностранными языками, прекрасное знание Корана, тягу к естественным и техническим наукам. Свой багаж знаний герой реализует на родине, обучив мастеров производству стекла, железного оружия и т.д.

К тридцати годам Пургаз – сложившаяся личность, масштабно мыслящая, осознающая свою роль в обществе и ответственность за свой род. Эти качества помогли ему не только завоевать уважение и почитание народа, но и стать мудрым политиком, грамотным полководцем, военным тактиком и стратегом. Деятельность инязора разнообразна, охватывает практически все сферы жизни средневекового человека – от бытовой до политической. Основная роль Пургаза – в объединении эрзянских и мокшанских племен и родов. Он прекрасно понимал, что только сильный и единый народ способен противостоять агрессии врагов. Автор раскрывает сложности и противоречия процесса объединения, когда инязору приходилось включать не только организаторские способности, но и знание психологии человека.

Пургаз был сыном своего народа и своей эпохи. Вся его деятельность была направлена на благо людей, на создание условий менее опасного существования. Суровое время реализовало Пургаза как полководца и политика, борца за справедливость и свободу. В его характере отражены психологические черты эрзянского народа – правдивость, ответственность, свободолюбие. В многочисленных конфликтах и схватках Пургаз остался непобедим и непокорен. «Среди восточно-европейских правителей, приезжавших к Батью за ярлыком на княжение, – отмечает В. К. Абрамов, – имя Пургаза не упоминается. Скорее всего он погиб, защищая одну из последних крепостей – один из последних клочков родной земли, за независимость и процветание которой боролся всю свою жизнь» [1, с. 41]. К. Абрамов в романе конкретно не изображает конца жизненного пути Пургаза, проводит мысль о том, что след инязора затерялся в дремучих лесах. Однако это не следует интерпретировать как недоработку автора. К. Абрамов в данном случае опирается на фольклорный опыт: народные предания не воссоздают факта гибели героя.

В романе «Пургаз» упоминается еще одна историческая личность – Пурейша (Пуреш), мокшанский князь конца XII – начала XIII века. Из исторических источников получаем сведения о том, что Пуреш был современником Пургаза и его основным соперником в борьбе за верховную власть над всей мордвой. Историк В. К. Абрамов пишет: «В двадцатых годах тринадцатого столетия Пуреш становится «ротником» (союзник, вассал) великого князя владимирского Юрия, наиболее сильного государя в поволжском регионе» [1, с. 43]. Пургаз же смог отстоять политическую независимость своего народа, что дает

возможность историкам следующим образом оценить его роль в истории: «...не вызывает сомнения тот факт, что нахождение в эти трагические годы во главе крупнейшего мордовского княжества такого незаурядного деятеля как Пургаз, в немалой степени способствовало выживанию народа» [1, с. 40].

В стиле романа-сказания К. Абрамова «Пургаз» органично сочетаются историческая достоверность и традиции устного поэтического творчества мордовского народа, а также поэтический вымысел автора, что дает образец художественно-эстетической ценности, стилистической отточенности, позволяющий говорить о самобытной индивидуально-авторской концепции личности и истории, оригинальности мировоззрения и мировосприятия мастера слова, истинном его таланте и даровании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов В. К. По следу времени: очерки об известных исторических деятелях. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – 304 с.
2. Абрамов К. Пургаз: роман-сказание. – М.: Современник, 1989. – 444 с.
3. Брыжинский А. И. Современная мордовская проза. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. – 232 с.
4. Добролюбов Н. А. О русском историческом романе // Полн. собр. соч.: в 6 т. – Т. 1. – М.: Гослитиздат, 1934. – С. 528-534.
5. Жиндеева Е. А. Проблема характера в мордовской исторической прозе 1970–1990-х годов: дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1997. – 186 с.
6. Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. – 240 с.
7. Полн. собр. русс. лет. Т. 1. Лаврентьевская летопись. – Вып. 1. Повесть временных лет. – Изд. 2-е. – Л., 1926. – 286 с.
8. Слово о гибели Русской земли // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 130-131.
9. Федосеева Е. А. Исторический роман Мордовии. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. – 48 с.
10. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: проблематика, поэтика: монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 284 с.
11. Шеянова С. В. Мордовский исторический роман: вопросы жанра, истории и поэтики // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2010. – № 11. – С. 280-288.